

ПАВЕЛ ЛАЗАРЕВИЧ

ОЛЯ

***Тайны и желания
танцующей с луной***

Книга 1

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

© Павел Лазаревич 2017

© Skleněný můstek s.r.o. 2017

© Обложка - Павел Лазаревич 2017

ISBN 978-80-7534-162-4

Содержание

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 1

Долгожданный звонок прозвенел, стройные ряды учеников распались, перемешались, и галдящая толпа понеслась по классам. Опыт игры в знамя меня не подвел. Уход на край был правильным тактическим маневром, поэтому мне удалось со стартом вырваться вперед. Обгоняя основную толпу по большой дуге, интуитивно уходя от столкновений и используя свое преимущество в скорости, я первый заскочил в наш новый класс и захватил камчатку. Камчаткой у нас всегда называлась парта в последнем ряду, у окна. Четыре года сменялись классные комнаты, но мы с Серегой неизменно сидели на камчатке. Толик, мой вечный конкурент на роль лидера в классе, несмотря на все ухищрения опять опоздал. Не готовый смириться с очередным поражением, он попытался прорваться на место у окна, но улетел в проход между партами. Удар у меня уже тогда был поставлен что надо. Бессильно бормоча ругательства и потирая ухо, он уселся за парту передо мной.

И тут я впервые увидел ее.

В проходе между парками шла стройная зеленоглазая девочка. Неуловимая ленивая кошачья грация странным образом сочеталась в ней с нетерпеливой радостью щенка, которого выпустили на улицу погулять. Как и все, она шла оглядываясь и приглядываясь к свободным местам. Все в ней было привлекательно и гармонично. Коричневая юбочка и кремовая блузка, яркий белый бант и такие же белые гольфы удивительно ей шли. Уже позже я понял, что ей шло все, что она надевала. Я заметил ревнивый взгляд, которым окинула новенькую Светка Рукавицына, и понял, что Светка уже не королева красоты класса.

— Какая ляля! Глядите! Кукла из магазина сбежала! — насмешливо заорал Толик и заржал.

Девочка сердито замерла рядом с ним. Легкий румянец вспыхнул на ее щеках, оттенив веснушки. Вблизи она выглядела еще красивее, и я почувствовал, что даже разглядывать ее мне неловко. Она покрутила пальцем возле виска, посмотрела пренебрежительно на Толика и произнесла с легким презрением:

– Дурак!

Толик отъехал к стене, освобождая для нее место, но она лишь презрительно фыркнула. Потом взглянула на меня, перевела взгляд на пустующее место у окна и снова вопросительно посмотрела на меня. Удивляясь себе самому, я встал и пропустил ее к окну. От двери раздался возмущенный и протестующий вопль Сереги.

– Меня зовут Оля, – глядя в окно, сказала она.

Лишь позже я понял, что не назови она Толика дураком, я бы ее за свою парту не пустил. Поменять дружбу на девчачью красоту для меня, начитавшегося Майн Рида и Джека Лондона, было немыслимо. Но этот ее голос... С первого дня нашего знакомства я любил слушать ее, чтобы она ни говорила. Даже если она сердилась, ее голосок звенел и резонировал у меня внутри. Я сидел с ней за одной партой и постоянно ловил себя на том, что искоса подглядываю за ней. Я стеснялся своих подглядываний, заставлял себя не смотреть на нее, но снова и снова ловил себя на этом.

В ней мне нравилось все. И чернильные пятнышки на ее маленьких ладошках. И ее коротенькие, припухлые пальчики. И испачканный мелом рукав, который она, как кошка лапкой, пыталась отчистить, возвращаясь за парту от доски. И то, как она сдувает непокорный локон, падающий со лба, закусывая при этом губу. И ее смех, веселыми нотками пролетающий по клавишам моей души. И ее смешливый взгляд, скользящий по мне, в ответ на мою особо удачную шутку, и тут же ускользающий от моего ответного взгляда. А иногда она просила у меня ластик. Я протягивал ей ластик, и крохотное мгновение моя ладонь скользила по ее ладошке. Это были мгновения настоящего счастья.

Ее, наверное, нельзя было назвать настоящей блондинкой. Волосы у нее удивительным образом меняли цвет при разном освещении. Утром, когда яркие лучи солнца просвечивали класс от окон до карт на стене, они сияли белым золотом. Вечером же их цвет переливался то яркой медью, то красной бронзой. Но то, как она краснела, безоговорочно выдавало в ней настоящую блон-

динку. У нее розовели и лицо, и руки, и ушки, и щеки. Подглядывая за ней, я иногда невольно опускал взгляд ниже – туда, где под белоснежной блузкой и тщательно застегнутыми пуговками вскоре начали просматриваться крохотные холмики, и тогда жар предательски опалял мои щеки. Много позже, в старших классах мне очень нравилось ловить момент, когда она начинала нетерпеливо ерзать по парте. Это был верный признак, что сейчас она поднимет руку. Однажды после ответа, получив свою привычную пятерку, она села на место и, забывшись, скользнула рукой под платье. Именно тогда я в первый раз ощутил, как странное томление пробуждается во мне, а брюки начинают предательски оттопыриваться. Я не помню, в каком это было классе. Но то, как Оля, неловко приподнявшись, поправляет у себя под платьем белье, а я, умирая от стыда, дрожащей ладошкой пытаюсь прижать и скрыть мое проснувшееся естество, я помню до сих пор.

С первого класса я считался школьным вундеркиндом. Лишь то, что я был известным драчуном, избавило меня от позорной клички «Ботан». Нет, ботаном в общепризнанном смысле этого слова я не был, ибо не заморачивался ежедневным чтением учебников, а уж тем более не корпел над домашними заданиями. У меня был другой ключ к успеху. Еще с первого класса я взял за правило прочитывать все школьные учебники еще летом, до занятий в школе. Поэтому частенько совсем не брал книги с собой в школу. Зачем? Ведь их всегда носила Оля. Было так приятно, замирая от прикосновений ее пальчиков, брать у нее книгу и за несколько минут пролистать нужную тему, поражая Олю скоростью освоения материала. За показным равнодушием я старался не показать, как от ее удивленного взгляда сладко млеет у меня в груди.

Мое школьное величие началось с того момента, когда наш учитель арифметики, являющийся по совместительству еще и учителем группы продленного дня, сказал на уроке, что на его памяти лишь один ученик в первом классе решил арифметическую задачу в девять действий.

Он остановился возле меня, выдержал театральную паузу и указал на меня пальцем. Такое отношение обязывало, поэтому пришлось соответствовать. На контрольных уроках по математике приходилось решать варианты для всего класса, но благодарность класса все окупала. В отличие от меня, иногда получающего четверки и даже тройки, Оля была настоящей круглой отличницей. Единственной круглой отличницей во всех трех параллельных классах. В отличие от меня ей все давалось прилежанием и упорством. У Оли еще была одна особенность, выделяющая ее. Она единственная из нашего класса училась еще и в музыкальной школе. Если я был надеждой и гордостью школы на олимпиадах по физике и математике, то Оля была просто гордостью школы. Наши портреты, незаметно взрослея из года в год, висели рядом на доске почета школы, улыбаясь и переглядываясь друг с дружкой.

Я иногда развлекался тем, что подняв руку, начинал возражать учителю, оспаривая общепризнанные истины. Жаркий спор частенько занимал весь урок, и времени на опрос и проставление двоек за невыполненные домашние задания учителю уже не хватало. Класс быстро понял все выгоды от таких споров, и просто требовал у меня очередное шоу. Оля в этих спорах не участвовала. Лишь иногда поглядывала на меня с легкой иронией и улыбкой, и тогда новые остроумные контраргументы выскакивали из меня, как конфетти из взорвавшейся хлопушки. Еще Оля прекрасно знала, что я читаю всё, кроме книг, которые мы должны читать по программе. Еще в первом классе классная руководительница обличительно сказала обо мне: «Он хитрый, он ужасно хитрый. Ясно же, что он не учил урок. Но он ухватывает то, что сказали раньше другие, дополняет своими выдумками так, что даже тройки я ему поставить не могу». И она была права. Поэтому, когда учительница литературы вызывала меня для пересказа, например, севастопольских рассказов, улыбка заранее начинала плескаться на лице Оли, и она с интересом ожидала очередного аттракциона. И я не подводил.

— Дело происходило в Севастополе, — вещал я, краем гла-

за любуясь улыбкой на лице Оли. – Происходящие события были столь важны, что писатель посвятил им несколько рассказов. Все мы знаем, что Севастополь расположен на берегу Черного моря. Черное море получило свое название из-за необычного цвета воды. Севастополь это не просто приморский город. Севастополь это самый крупный город Крыма. Крым же, эта жемчужина Российской Империи, всегда привлекал к себе завоевателей. И не зря! Теплое ласковое море, полное рыбы, изумительный климат, дружелюбные и трудолюбивые люди, населяющие его – вот почему все стремились завоевать Крым...

Дальше следовала подсказка от класса и в повествование вплеталась полученная информация, красиво разукрашенная цветистостью и многословием фраз. Оля же откровенно и насмешливо улыбалась, никогда не опускаясь до подсказок.

Отца у нее не было. Почему – я не знаю до сих пор. Оля никогда об этом не говорила, а я и не интересовался. Жила она вместе с мамой. Сухонькую, строгую, прямую как палка, всегда одетую в строгое темное платье, ее маму на классных собраниях легко было узнать по вечно поджатым губам и резкому скрипучему голосу. Особенно подозрительно она относилась ко мне, недовольная, что дочь ее сидит с мальчиком. Но тут Оля уперлась и отстояла свое право сидеть за одной партой со мной. Несмотря на эту локальную победу, Олю она держала в ежовых рукавицах. Оля почти никогда не ходила с нами на вечеринки и на танцы. Мама ее не пускала. Самой ей разрешалось ходить в кино лишь днем, с приходом домой строго до семи.

Летом между восьмым и девятым классами ее мама уехала в командировку. Это совпало с летним школьным походом за озеро с ночевкой, и Оля впервые пошла в поход с нами. Костер горел как-то особенно тепло и уютно, когда его блики падали на ее лицо. И походные песни звучали душевно и таинственно, когда в них вплетался ее голос. А когда после очередной песни я увидел, как Оля, поймав мой взгляд, приложила пальчик к губам и еле

заметно кивнула в сторону, предлагая идти за ней, счастье нежной лапкой сжало мне горло. Очередное волшебство случилось, когда костер спрятался за деревьями. Оля взяла меня за руку. Ее ладошка нырнула в мою ладонь и устроилась в ней теплым воробушком. Я не знал, куда мы идем, даже не подумав спросить ее об этом, а лишь хотел, чтобы это никогда не кончалось.

Из-за деревьев внезапно вынырнуло озеро. Лишь теперь я понял, что мы шли вдоль берега. На огромное темное матовое зеркало падали еле видимые издалека отблески школьного костра, а луна, разделив озеро надвое, протянула серебряную дорожку прямо к нам.

— Пашка, так хочется искупаться, — нарушила молчание Оля. — Я же в этом году еще ни разу не купалась. А девчонки говорят, что нам и завтра не разрешат. Мол, вода холодная, поэтому учитель боится, что мы заболеем. Если бы тебя не было, я бы сама не решилась. А с тобой совсем не страшно.

Оля сбросила кеды и носки, подошла к воде и потрогала ее ногой.

— Какая теплая! А нас еще не хотят пускать купаться!

Она повернулась ко мне.

— Паш, оставайся и следи за тропинкой, пока я купаться буду.

— Нет, — покачала она головой, когда я тоже стал расстегивать рубашку. — Кто-то должен обязательно стоять на стреме. Давай, сначала я, а потом, если захочешь, и ты искупаешься.

Оля нетерпеливо посмотрела на меня и показала глазами на тропинку.

— Туда смотри, а не на меня!

Когда я решил вернуться к ней, то с большим трудом разглядел ее голову в бликах лунной дорожки. Вспомнив, какое задание получил от нее, я снова уставился на тропинку и прислушался к ночным звукам. Тихо шумели деревья, пели сверчки, с нашей поляны еле различимо доносилось пение. Где-то далеко в лесу что-то шумело, и я замер, стараясь понять, что это...

Когда я в следующий раз повернулся к озеру, его гладь была девственно чиста. Чувствуя, как крупной дрожью у меня начина-

ют дрожать колени, я сделал несколько шагов в сторону. Лунная дорожка сместилась, следуя за мной, но там, откуда она ушла, тоже было пусто. Ужас комком застыл у меня в горле. До этого такой ужас я испытал только один раз в жизни, еще дошкольником, в приморском курортном городке, когда после яростного южного ливня, бредя по пояс в воде, провалился в сливной колодец. Вода уже заливала мне глаза, а поток крепко тянул за ноги, когда рывком за руку меня выдернул из колодца отец.

Боль резко и сильно ударила меня в живот и в грудь, а слезы вскипели у меня на глазах. В безумной надежде я ринулся к кустам, растущим у самого берега. Обежал их и обессилено опустился на траву. Ноги лихорадочно тряслись и не держали. Боль покидала меня, как воздух оставляет проколотый воздушный шарик. Медленно отпускал и спазм, сжавший мое горло и не дававший дышать.

Сразу за кустами оголенной саблей уходила вглубь озера небольшая коса. И там, на самом ее конце я увидел Олю. Она стояла на самом краю, протягивая руки к луне. Серебристый купальник сливался с серебром волос, белизной тела и блеском луны. Через мгновение она ожила, медленно закружилась, и напоминала уже фею, танцующую над гладью воды.

Облегчение и радость, вытесняя боль, захлестнули меня. Хотелось вскочить, бежать, обнять ее, целовать, прижать к себе и нести к берегу на руках. Но я представил, как стыд хлестнет по ее щекам, а ее ненавидящий взгляд прожжет меня, и остался сидеть, заморожено наблюдая за ней.

— Я иду тебе навстречу по траве звенящей, подарю тебе я вечер самый настоящий, — тихий голос Оли стелился над умолкшим озером. — Чтобы звезды в нем сверкали и глаза искрились, чтобы мы с тобой мечтали, а мечты все сбылись.

Словно вылитое из серебра, тело Оли плавно переливалось в танце, а рядом с ней на глади озера подрагивала лунная дорожка. Оля медленно кружилась, не сводя глаз с луны. Танцевали и ее руки, протянутые к луне.

И тут тугая сладкая волна мягкой кувалдой, вышибая дух,

ударила меня в низ живота. Это был не серебристый купальник. Это была она сама. Она кружилась, а я, замерев, смотрел на то, что не мечтал увидеть даже в самых смелых мечтах. На танцующие и сияющие в лунном свете нежные комочки грудей, на одуряющую белизну ее обнаженного животика. Ниже смотреть я не решался, а когда оборвалась песня – стало и поздно.

– Пора в путь-дорогу, – Оля, присев, запела другую песню и стала полоскать в воде купальник, до этого лежавший у ее ног. Я понял, что еще мгновение – Оля встанет и увидит меня. Я резко вскочил и, прячась за кустами, быстро побежал к месту, где меня оставила Оля.

На обратном пути Оля была тиха и задумчива. Она не взяла меня за руку, а сам я на это так и не решился. Оля зябко поеживалась, но от моей робкой попытки обнять ее за плечи уклонилась.

У самой палатки она наклонилась ко мне и тихо прошептала мне на ухо:

– Пашка, ты настоящий друг. Спасибо тебе, – и поцеловала меня в щеку.

Когда я робко попытался ответить на ее поцелуй, она увернулась и пропала в глубине палатки.

Следующей ночью, уже дома, Оля мне приснилась. Она опять танцевала обнаженная под луной, а я во все глаза разглядывал ее теперь уже всю. Когда же Оля затанцевала в моих объятиях, игриво прикасаясь ко мне, то бедрами, то животом, то острыми кончиками грудей – пронзительно-сладкая судорога вырвала меня из сна. Я сидел на кровати, вздрагивая всем телом, судорожно вцепившись в скомканую и промокшую простыню.

Несмотря на все запреты и предосторожности мамы, в девятом классе Оля влюбилась. В десятиклассника Женьку, старшего брата Сереги. Выбору Оли я не удивился. За красавчиком Женькой бегали все девочки его класса. Оля и Жека часто ходили в кино, а потом гуляли по аллеям парка, держась за руки и прислу-

шиваясь к бою часов на ратуше. Я тоже стал часто ходить в кино. Один. Я выбирал самый последний ряд. Когда в зале было много народа, они сидели, слегка касаясь плечами, примерно глядя на экран. Если же фильм был неинтересный, народу было мало, и места за ними пустовали, то в самые темные моменты они украдкой поворачивались друг к дружке и целовались. Когда их губы соприкасались, на душе у меня становилось муторно и больно, а живот начинал противно ныть. Но, как наркоман, я продолжал караулить их у кинотеатра и, выследив, тащился за ними вслед. На следующий день, разговаривая с ней о разных школьных мелочах, я украдкой вглядывался в ее лицо, выискивая следы этих поцелуев. И находил их. В переливах смеха, в обертонах интонаций, в улыбках и в ямочках на ее щеках. Каждая такая находка раскаленным гвоздем впивалась мне в живот. Впрочем, ее обаяние быстро смывало эту боль, и я купался в звенящей радости ее смеха, летящей мелодичности ее голоса, в сиянии ее глаз. Такой коктейль боли и удовольствия стал тогда привычным состоянием моей души.

Однажды в девятом классе у них произошла ссора, и Оля позвала меня в кино. Всю дорогу до кинотеатра я отнекивался. Она же весело тянула меня за руку, убеждая, что может даже сесть в той части кинотеатра, где садятся мальчишки. И даже, может быть, разрешит мне проводить ее после кино домой. Сеанс уже начался, у кинотеатра уже никого не было, и лишь у входа торчала одинокая фигура. Это был Женька. Увидев нас, он затушил сигарету и помахал Оле рукой. Оля виновато обернулась ко мне:

— Прости, Пашенька.

Неловко махнула мне на прощание рукой и побежала к нему.

В середине мая, перед выпускными экзаменами, я первый раз в жизни избил своего лучшего друга. Серега уже давно затаил зуб на Олю и всегда пытался сказать мне какую-нибудь гадость о ней. В тот раз он конкретно зарвался, и конкретно получил. Хотя я

не поверил ни единому его слову, смотреть на Олю стало обжигающе стыдно, а снится она мне стала и вовсе почти каждую ночь.

В самом конце мая мы сдавали на стадионе зачет по физкультуре, который напрямую влиял на годовую отметку. Мы все должны были пробежать сто метров и уложиться в норматив. Учитель физкультуры заявил, что тем, кто не уложится в норматив, пятерку за год он не поставит. Для Оли этот зачет был очень важен. Решалось – получит она золотую медаль или нет. И Оля попросила меня, чемпиона района в беге на сто метров, пробежать эту дистанцию вместе с ней. «Беги, Пашенька, чуть впереди, чтобы я тянулась за тобой» – попросила Оля у меня. И я бежал на полшага впереди нее, практически повернувшись к финишу боком, и всю дистанцию жадно смотрел на Олю. На ее подпрыгивающие груди, быстро вздымающийся животик, жадно дышащие полураскрытые губки, горящие румянцем щеки и капли пота на атласе кожи. А потом, когда она закусил губу, и закрыла от напряжения глаза, взгляд мой залип на припухлой выпуклости внизу. А потом и на впадинке делящей ее пополам. Впадинка во время бега то возникала, углубляясь и становясь глубже и рельефнее, то пропадала. После финиша Оля, замерев, уставилась на физкультурника. «Зачет!» – громко провозгласил он, разглядывая секундомер. Оля скользнула по мне ошалевшим от счастья взглядом, прошептала: «я тебя обожаю» и рухнула на траву. Животик Оли судорожно вздымался, ее ноги дрожали, а коленки ее обессилено распались. И хотя это длилось всего два судорожных вдоха, а потом она сдвинула коленки – я не выдержал и убежал. Уже в роще, скрывшись из виду, я обхватил первое попавшееся дерево и прижался к нему. Перед моими глазами была Оля, и мне показалось, что я прижимаюсь не к выпуклой гладкой твердости ствола, а обнимаю лежащую на траве Олю. Лежу между ее раскинутых, дрожащих ножек, касаясь животом ее бурно вздымающегося животика и, что есть силы, вжимаюсь и втираюсь в ее впадинку. Видение было столь ярким и нестерпимым, что все мои внутренние запреты рухнули. Я не смог удержаться и выплеснулся уже на первом движении. Мне было ужасно стыдно,

но остановиться я не мог, как не мог удержаться и остановиться, несмотря на стыд и презрение к себе, когда ночью в мои мечты и сны приходила Оля. Не мог остановиться, пока обессиленно не сполз по стволу на землю.

На выпускном вечере я первый раз танцевал с ней, и первый раз по-настоящему, а не в мечтах, держал ее в своих объятиях. Женьку, провалившего еще прошлым летом экзамены в институт, уже месяц как забрали в армию. Оля последние недели была сама не своя. Что с ней происходило, я не понимал, а спросить не решался. Пару раз я замечал слезы в ее глазах. Но на выпускной вечер она пришла непривычно веселая и беззаботная. Атмосфера праздника расшевелила, похоже, и ее. Танцуя со мной, она разглядывала девочек вокруг нас и делилась со мной смешными впечатлениями об их нарядах. Я смеялся над ее остроумными комментариями, поддакивал, но смотрел только на нее. На наряды других девушек, как, впрочем, и на самих девушек мне было плевать. Улыбка, мелькающая в ее глазах, наполняла мое сердце тревожным томлением. Ее ладошки, лежавшие у меня на груди, жгли двумя маленькими раскаленными камешками. Мягко пружинящая спина ласкала мои ладони. Сердце мое то тревожно замирало, то пускалось вскачь. На ее лице танцевали разноцветные отблески огней, а в глазах вспыхивали голубые, фиолетовые и золотистые искорки. Зал яркой, разноцветной каруселью кружился вокруг нас. Но все мгновенно померкло, когда она, поймав мой взгляд, покачала отрицательно головой и сказала:

– Прости, Пашенька, но я буду ждать Женьку. Я его люблю.

Она смотрела мне в глаза уверенно и спокойно. Потом тихо и укоризненно добавила:

– Зря ты избил Серегу.

Пауза затянулась. Мне стало стыдно и обидно, словно меня поймали за попыткой воровства и отняли что-то для меня очень дорогое. Маслины ее глаз, ставшие из зеленых бездонно-черными, укоряли и жалили меня не меньше, чем мимолетные прикосновения ее груди.

– Молчи, – она остановила меня, приложив на мгновение пальчики к моим губам, – я все знаю и не хочу это обсуждать.

– Откуда ты знаешь, что я его избил? – говорить было трудно, да и незачем, ведь ответ меня уже совсем не интересовал. Все было уже неважно. Нужно было попрощаться, развернуться и уйти, но я, как щепка в океане, продолжал болтаться в бессмысленном и бесконечном танце, чувствуя неловкость от того, что мои руки лежали на ее талии.

– Ко мне пришел избитый тобой Серега и потребовал, чтобы я сама подтвердила тебе, что сказанное Женькой правда.

– И ты простила им такое?

– Ой, перестань, Пашенька, – Олечка беспечно засмеялась тем своим грудным смехом, от которого у меня всегда немело внутри. Она откинулась назад, заглядывая мне в глаза. От ее взгляда мне стало неловко и показалось, что я действительно сказал какую-то ерунду.

– Один похвастался, выдавая желаемое за действительное, а второй и рад был всем разболтать. Вы все, мальчишки, такие хвастуны и болтуны. За что тут можно не прощать? Попросили прощения – я и простила.

– Перестань, – настойчиво повторила она, впервые в жизни прижимаясь ко мне грудью, – не надо никого больше бить. Да, все виноваты, но все уже попросили у меня прощения, и всех я уже простила.

Я поступал в самый лучший элитный вуз страны. Экзамены там начинались на месяц раньше, чем в других вузах. Мамина «скорая помощь» забрала меня и отвезла к поезду прямо с выпускного вечера. Оля стояла на ступеньках школы, улыбалась и махала мне рукой. Я улыбался ей в ответ плотно сжатыми губами, делая вид, будто ничего не произошло, пытаясь не показать, как они дрожат от обиды.

Глава 2

Адрес ее я не знал. Жила она далеко, потому и ходила первые четыре года в другую начальную школу, а за все школьные годы домой я ее ни разу не провожал. Сама она мне свой адрес не дала, а сам я попросить не смог. Стройотряды съедали все летнее время, поэтому домой летом я приезжал редко и ненадолго, да и родители мои уже тогда большую часть лета проводили за границей. Случайно с ней не сталкивался, сам встреч не искал, одноклассников о ней не спрашивал, и острая игла воспоминаний о ней все реже и реже втыкалась мне в сердце.

Первый раз после выпускного вечера я увидел ее, когда уже уволился после трехлетней отработки, которая проходила в филиале известного научного института в нашем областном центре. Мне стоило больших трудов распределиться не в столицу, а именно туда.

– Зарываєте вы свой талант, батенька, – укоризненно выговаривал мне декан факультета, а по совместительству еще и руководитель моего дипломного проекта. – Другие годами добиваются права обучаться у нас в аспирантуре, вам же все в руки идет. Вот и спортивная кафедра за вас ходатайствует. Говорят, что вы у нас спортивная звезда, и они без вас никак. Но, как говорится, вольному воля.

Я шел мимо утонувшей в зелени детской музыкальной школы, и вдруг из калитки выпорхнула девушка. Волна переливающихся золотистых волос, изящный контур кремового жакета, зеленая юбка, до боли знакомый танцующий шаг, скрипка в руке, и сердце мое ёкнуло и ухнуло вниз.

– Пашенька? – глаза ее вспыхнули радостью.

– Оля? Ольга Николаевна?

Не знаю, почему я назвал ее по имени и отчеству. Похоже, как мне казалось, забытая обида все еще таилась у меня внутри.

Слегка потяжелевшая грудь. Чуть-чуть налившиеся бедра. Все такая же, подчеркнутая узким жакетом, тонкая талия. Еле просматривающаяся припухлость животика. Передо мной стояла

уже не девушка, а молоденькая женщина. Оля и в школе казалась мне совершенством. Сейчас же она была еще лучше.

– Олечка? – тут же исправился я, осознав, насколько глупы и неуместны мои обиды. – Рад тебя видеть. Как твои дела?

– Да по-разному, Пашенька, – отмахнулась она, тоже разглядывая меня. – Вот учительницей тут работаю в музыкальной школе, музыку преподаю. Уроки частные даю. Замоталась совсем.

Отвернувшись, тихо добавила:

– Мама у меня умерла. Два года уже прошло.

Не зная, как утешить, в безотчетном порыве я обнял ее. Она растеряно посмотрела на меня, а я, очнувшись и испугавшись, что выдам свои уже давным-давно совершенно неуместные чувства, отстранился. Похоже, неудобно стало и ей. Она отвела глаза, и между нами возникла неловкая пауза.

Я прокашлялся и спросил:

– Как у Женьки дела? Как он?

Ее взгляд испуганной бабочкой вспорхнул вверх, а потом упорхнул в сторону.

– Хорошо Женька живет. Дочка у него растет.

– Как вы ее назвали?

– Он женат не на мне.

– Почему? Что случилось? – лишь когда школьники стали оборачиваются на меня, я понял, что почти кричу.

Она потянула меня за руку.

– Пойдем, я тебе по дороге расскажу, а то у меня частный урок, спешить надо. В школе платят мало, приходится подрабатывать.

Мы шли по школьной аллее. Оля молчала. У меня дрожали пальцы, и я их прятал за спиной.

– Уже осенью писать мне перестал. А после армии не вернулся.

Она шла чуть впереди, плавно, легко и так знакомо, что сердце мое заныло.

– Серега мне потом рассказал, что случилось. Оказывается, он в самоволку с ребятами ушел на ночь. Выпили, на танцы

пошли, а там местные девочки, тоже пьяненькие и веселые. Там ее и встретил. Так ей понравился, что она прямо с танцев утащила его на сеновал. Всего один раз, как уверял он Серегу, и было. А через пару месяцев его вызвали к командиру полка. А там она в кабинете ревет. Оказалось, она его дочь. Командир начал кричать, что замордует, раз он дочку его обесчестил. И заявил ему: или много лет в штрафбате за соращение несовершеннолетней, или женись. Деваться ему было некуда. Так и женился.

Мы шли, а паузы между ее фразами становились все длиннее и длиннее.

— А я пряталась от всех, плакала, и не могла понять, почему он больше мне не пишет. Самое плохое уже напридумывала. Накрутила себя так, что жить было тошно. Инвалидом, прикованным к койке его уже представляла. Думала, деды замучили, и он повесился. Такое ведь в армии случается. Чуть сама не поехала его искать. Хорошо, мамка не пустила.

Она шла, смотрела в сторону, и сшибала ногой прорывающиеся сквозь асфальт травинки.

— К дембелю у них дочка уже родилась, а сам он стал лейтенантом. Квартиру там служебную получил. Вот такие чудеса в армии иногда случаются.

Я молчал, не зная, что сказать.

— Ладно, хватит о грустном, — она решительно стукнула ногой по головке стоящего возле дороги одуванчика, попала, и он улетел за ограду. — Лучше о себе расскажи. Как у тебя дела?

— Ой, да что обо мне говорить? Распределился в наш областной центр. Три года отработал. Сразу же пожалел об этом, но было уже поздно отыгрывать все назад. Там не институт, а дыра. Все как мухи сонные ходят, лишь прежние технические задания переписывают. Вот так накрылись мои научные мечты. Поэтому плюнул на науку и стал заниматься кооперативной деятельностью. Мастерскую открыл. Машины, здания и все такое прочее в творческом духе разрисовываем. Краски новые сумел создать. Художников интересных привлек. Несем, если можно так сказать, красоту в массы. Раскрутился потихоньку. Деньги начал даже уже

зарабатывать. Вот присматриваюсь в нашем городе, где бы филиал открыть. А больше ничего интересного. Лучше скажи, сама как? За кем замужем? Я его знаю?

— Я не замужем, — голос у нее был совершенно спокоен.

— А... дети есть?

Она опять покачала головой.

— Я не была замужем.

Я замер. Она, словно не заметив это, пошла дальше и вдруг заторопилась.

— Все, Пашенька, не могу больше болтать, опаздываю. Даст бог, еще свидимся.

И побежала по аллее так, как бегала раньше в школе — легко, изящно и невесомо. И уже почти скрывшись на повороте, танцуя, провернулась, улыбнулась мне и звонко прокричала, помахав рукой:

— Передавай привет жене!

Ее слова больно задели меня. Женат я не был. Значит, обо мне она у одноклассников не спрашивала. Ладно, я не интересовался. Боль и гордость не позволяли. Ее же незнание просто кричало об ее равнодушии ко мне. Если бы мне было семнадцать, я бы отвернулся и, умирая от обиды, уехал из родного города. Но я уже был значительно старше. Я знал, что уход мне не поможет. Ожившие воспоминания о ней, а также воспоминания об этой встрече снова занозами будут сидеть в моем сердце. А значит, нужно хотя бы попытаться...

Как и во времена моего детства, школьный двор с самого утра был забит малышней, играющей в футбол. Свистом я подозвал детвору, вывалил на траву свою нелегкую ношу и вручил каждому по монетке. Они меня не подвели. Когда Оля подходила к музыкальной школе, вся аллея от ограды и до ступенек уже была засыпана белыми розами. Она недоуменно оглядывалась по сторонам, как, впрочем, и шушукующиеся стайки школьников. И лишь увидев меня на ступеньках школы, она все поняла. Ее лицо

запылало. Взметнулся детский смех. Я, не дожидаясь, пока стыд переплавится в негодование, а ситуация станет не романтической, а комической, подбежал к ней, опустился на колено и молча протянул ей открытую коробочку. В коробочке лежало колечко с бликующим на солнце бриллиантом. Все замерло и стихло, словно уши мои забила вата. Поднять голову было трудно. Еще труднее было прошептать предложение. Своих слов я не расслышал. Я даже не понял, сумел я их произнести или нет. Лишь увидев в ее глазах и в уголках губ зарождающуюся улыбку и помахивающую ладошку, прогоняющую жар со щек, я смог дышать, и тогда шум школьного двора волной накрыл меня.

Белоснежная постель... Белоснежное платье и прозрачные трусики, небрежно брошенные на кресло... Шелк волос, разметавшихся на подушке... Белое золото возбужденно вздымающегося животика... Медленно тающий след резинки... Золотое колечко, блеснувшее на пальчике...

Зрачки ее дрожали. В них была бесшабашная смелость бросающегося в прорубь и веселье опьяненного праздником танцора. Испуганное предвкушение и растерянная обреченность. В них было столько эмоций, которых там не должно было быть, что я растерялся. В ее глазах плескалось все. Там не было лишь одного. В ее глазах не было равнодушия.

Несмотря на слепящую наготу, она казалась такой же недоступной, как и в школе. Я осторожно положил ладонь на ее коленку, подсознательно ожидая, что коленка ускользнет. Коленка у нее оказалась удивительно мягкая и прохладная. Это длилось лишь мгновение. Она взяла меня за руку и сняла ее со своей коленки.

— Обними меня.

Хотя она не дала себя даже погладить, когда я лег, она прижалась ко мне, а ноги ее робко обхватили мои ноги. Внутри меня сладко ёкнуло, когда скользнув по теплой упругости ее раздвинувшихся ног, я воткнулся в нее. Оля резко и болезненно вскрик-